

УДК 81'42

DOI 10.22363/2313-2264-2017-15-1-51-65

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ДИСКУРСИВНОЙ АНАФОРЫ В МОНОЛОГИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Г.Д. Сснар

Ростовский государственный медицинский университет
пер. Нахичеванский, 29, Ростов-на-Дону, Россия, 344022

И.А. Кудряшов

Южный федеральный университет
ул. Большая Садовая, 105/42, Ростов-на-Дону, Россия, 344006

Цель статьи — определить прагматическую специфику тематической организации монологического текста с опорой на модели дискурсивной анафоры. Указанная цель предопределила решение задач, связанных с изложением концепции темы как текстового сегмента, проявляющего устойчивую зависимость от дискурсивной схемы художественного монологического текста; рассмотрением монологической сферы художественного текста с опорой на то, какую роль играют в ней тематические компоненты; выявлением того, какие последовательности анафорических (зависимых в референциальном отношении) языковых выражений формируют тематические компоненты в рамках дискурсивных схем монологического текста с учетом коммуникативной специфики этого текста. Выводы, полученные в работе, позволяют приблизиться к более полному пониманию того, как отношения когезии и анафорические отношения, моделируемые тематическими компонентами, облегчают интеграцию дискурсивных характеристик высказываний в более глобальную интерпретативную структуру. Доказывается, что оба феномена, образуя симбиоз, выполняют функцию поддержания континуальности значения и референтного плана связанных высказываний в рамках монологического текста. В этом видится теоретическая значимость проведенного исследования. Практическая значимость статьи определяется возможностью использования ее основных результатов для дальнейшей разработки проблемы «информационной упаковки» высказываний, принадлежащих к монологическим жанрам общения, для выявления закономерностей организации художественного текста как целого. Теоретические выводы, полученные в результате исследования, могут быть использованы в вузовском преподавании современного русского языка, стилистики декодирования, спецкурсах по филологической герменевтике, а также в спецкурсах по вопросам дискурсивных оснований организации монологического текста.

Ключевые слова: монологический текст, дискурсивная анафора, отношения когезии, дейк-сис, референт, мыслительный антецедент, дискурсивная схема

Введение

Монологический текст имеет непосредственное отношение к текущей физической и перцептивной деятельности участников творческой коммуникации,

которая является эмоциональной по своей сути. Данная деятельность предполагает не только вербально выраженное содержание художественного высказывания, но и такие явления, как умалчивание, графическое и позиционное выделение значимой информации [1; 2]. Адресат текста апеллирует к данным текстуальным характеристикам с целью активного участия в конструировании художественного дискурса совместно с его автором. В данном смысле дискурс моделируется как иерархически структурированный феномен непрерывно порождаемых высказываний, иллокутивных, пропозициональных и индексальных актов, совместно манифестируемых участниками дискурса [3].

Дискурсивная анафора в функции темы монологического высказывания представляет собой реализуемую через текст процедуру актуализации некоторой информации, предварительно заложенной в дискурсивную память читателя и вследствие этого обладающей минимальным уровнем активизации внимания. Это существенный способ «управления» вниманием, который наделяется автором функцией поддержания высокого уровня активации и характеризует некую дискурсивную репрезентацию как предварительно установленную в качестве фокуса читательского внимания на данном сегменте высказывания.

Проблема дискурсивной анафоры активно исследуется, в частности, Френсисом Корнишом, который, как будет показано ниже, выделяет в ее действии три составных компонента, разграничивает антецедент, непосредственно проектирующий анафору, и мыслительный антецедент, который отражает функционирование анафоры в виде дискурсивных схем.

Цель

Цель исследования — выявление того прагматического потенциала дискурсивной анафоры, который является значимым для определения конституирующего статуса тематических компонентов в художественном монологическом тексте.

Материалы и методы

Достижение цели, обозначенной в публикации, потребовало применения следующих методов исследования, актуальных для прагматического анализа сегментов высказывания, маркируемых как «дискурсивная анафора»:

- контекстуального метода, детерминируемого потенциальной возможностью извлечения темы из контекста сообщения, ее программируемостью говорящим субъектом и пресуппозициональной обусловленностью в дискурсивном процессе;
- метода функционального анализа, предполагающего разграничение темы / ремы и выявление тематической прогрессии как метафункции языка;
- метод моделирования тематических цепочек с опорой на фактор субъективности: выбор темы со стороны автора определяется в его направленности на межличностный характер общения, который задает точку зрения в художественной коммуникации и предопределяет когерентный характер коммуникативного общения.

Результаты

В результате проведенного анализа мы пришли к следующему пониманию темы в прагматическом ключе: тема — это «данное», которое выражается форическими средствами (т.е. предварительно актуализованными в вербальном и / или ситуационном контексте). В этом отношении нами задействовались такие дифференциальные признаки темы, как соотношение с моделями связывания, в частности с субституцией и референцией; функционирование в качестве информативного компонента в отношении к «новому», не извлекаемому из предшествующего контекста компоненту, фокусу высказывания; имманентная способность вводить «свежую» или контрастную по отношению к известному информацию.

С учетом данных дифференциальных признаков на прагматическом уровне анализа мы определили тему как анафорический компонент текста, реализующий отношения когезии и предполагающий выбор особого референциального выражения в определенный момент развития текста, в специфических контекстуальных условиях.

Указанное определение темы в прагматическом аспекте дало нам возможность проецировать дискурсивную анафору как средство структурирования последовательностей референций, развиваемых в рамках монологического текста в плане формирования тематических цепочек, их исчислением в конкретном тексте и выявлением доминирующих и вспомогательных.

В результате оказалось возможным определение дискурсивной схемы монологического текста и роли анафоры в ее формировании. Мы, в частности, пришли к заключению, что анафора проявляет свои прагматические характеристики в рамках текущего конструирования текста, а не в статических измерениях текста. Тема является строительным материалом отношений когезии в процессе материализации и интеграции прагматического потенциала этих отношений.

Обсуждение

Дискурсивную анафору формирует не только соответствующее выражение (как правило, местоимение третьего лица), но и сегмент высказывания, в котором это выражение обнаруживается. Данное предикативное содержание функционирует в качестве указания, ориентирующего читателя к тому сегменту дискурсивной репрезентации, который уже активирован на когнитивном уровне повествования и который «расширяется» в плане оптимальных в данном контексте отношений когезии. Ср.:

(1) Джон глупо улыбался. Больше всего он боялся, что из носа потечет кровь. Так и случилось... — Само пройдет, — сказал он. — Какое само! — воскликнула Вера. — Запрокинь голову. Заражения бы не было... (П. Басинский. Полуденный бес).

В данном случае мы имеем дело с косвенно выраженной анафорой, которая предстает иллокутивным акцентом в реплике первого собеседника. Ситуация общения и лексико-семантическая структура глагольного предиката *само пройдет* обеспечивают условия оптимальной интерпретации неявно выраженной дис-

курсивной анафоры для второго собеседника, который также не актуализует предмет общения, поскольку он ясен из коммуникативного контекста. Приведенный пример выявляет то, как импликации, основывающиеся на обнаруживаемых в общении дискурсивных репрезентациях, общих пресуппозиционных знаниях собеседников, мобилизуются в дискурсивном действии анафоры, не требующей присутствия эксплицитно выраженного текстового антецедента.

В следующем примере обнаруживаются различные явно выраженные дискурсивные анафоры при разных предикатах:

(2) К дому лесничего была послана коляска. Коварный князь знал, что отец Ольги Павловны уехал в губернский город и *бедная девушка* находится дома одна. Знал *он* и о том впечатлении, какое производил на *несчастную*, томящуюся в лесной глуши под неусыпным взором отца-тирана. В записке, посланной с кучером, *он* бессовестно признавался *ей* в любви и просил немедленного свидания... (П. Басинский. Полуденный бес).

Во втором высказывании вводятся два аргументных референта (*князь, Ольга Павловна*), которые в последующих высказываниях замещаются анафорическими местоимениями третьего лица, выражениями описательного характера. Линия повествования смещается к событиям, которые имели место до факта, о котором говорится в первом высказывании и который манифестирует текущий план повествования. Другими словами, дискурсивные анафоры «расширяют» информацию, содержащуюся в первом высказывании, в иных временных и пространственных плоскостях.

Дейксис представляет собой такую процедуру, которая основывается на способности контекста употребления высказывания направлять внимание читателя к характеристикам, существенным для данного контекста. Эти характеристики ассоциируются с контекстом (потенциально знакомы читателю), а поэтому воспринимаются как должное [4]. В прагматико-семантических исследованиях отмечается, что дейксис является причиной намеренного прерывания текста непосредственно в той точке, в которой он актуализуется.

Достигается определенный эффект: читатель поощряется «выйти» из данного дискурсивного контекста с целью «увидеть» в рамках текущей ситуации употребления высказывания новый референт или запечатлеть в своей когнитивной памяти иной аспект того же самого референта, на котором уже фокусировалось внимание [5]. Таким образом, дейксис служит средством введения нового референта в текст на основе определенных характеристик контекста употребления высказывания. Он ориентирует фокус читательского внимания к новому объекту текста (новому аспекту предварительно введенного объекта).

Анафора, в свою очередь, служит сигналом поддержания фокуса читательского внимания. В этом отношении анафоры, занимающие не сильную фонологическую позицию, получают высокую степень внимания. В современных исследованиях анафора рассматривается как контекстуальная актуализация дейктического основания центрального объекта текста. Анафора предполагает отношения референтной и / или семантической зависимости между индексальным выражением, употребленным в определенном контексте, и референтом, извле-

каемым читателем из дискурсивной (контекстуальной) актуализации этого выражения. В случае анафоры потенциально могут возникать отношения кореференции, когда два выражения в референтном плане указывают на одну и ту же сущность. Между кореферентными выражениями не всегда возникают отношения семантической и / или референтной зависимости, как это имеет место в случае анафоры. Ср.:

(3) ...Я познакомился с *Семеном Александровичем* в 1926 году, был я тогда еще молодой учитель и увидел *его* впервые у Ксенофонта Павловича Счастливецва, нашего заведующего подкурсами. Я увидел, как мне показалось, молодому, *старика*, но очень быстро, высокого, худого (И. Крупник. Жить долго).

Обе выделенные номинации предстают независимыми в референтном плане. В аспекте читательской идентификации одного и того же персонажа, о котором ведется повествование, каждая из них является информативно достаточной. Между анализируемыми номинациями не обнаруживается референтной зависимости друг от друга (каждая из них может быть извлечена из текста без существенных последствий). Это случай кореференции без анафоры.

Анафора, предполагающая кореференцию, приводится в следующем примере:

(4) ...В жадных и хитрых глазах *Долидзе* промелькнуло облачко беспокойства. *Он* знал: иногда успех может превратиться в поражение... (Р. Ивнев. Богема).

Местоимение *он* обладает референтной сущностью, его характер зависит от предшествующего тематического компонента в повествовании (в данном случае *Долидзе*), заявленного в предшествующем предложении. Поэтому это местоимение характеризуется анафорическим употреблением в отношении к предварительно актуализованному референту. Вместе с тем оно вступает в отношения кореференции с антецедентом, который моделирует анафору. Анафора, таким образом, предполагает семантическую и / или референциальную — но не текстуальную — зависимость. В случаях дейксиса и анафоры имеет место концептуализация (т.е. психологическая, ментальная репрезентация) референтов, вне зависимости от того, получает ли читатель доступ к референтам через внешнюю ситуацию или в результате анализа ближнего и дальнего контекста употребления высказывания. Обнаруживаются различные домены референции, в рамках которых действуют как дейктические, так и анафорические процедуры [6. С. 61—67].

Текстуальный — как и дискурсивный — дейксис обеспечивает переход от понятия «дейксис» к понятию «анафора», поскольку данные понятия предполагают использование дейктических процедур с целью указания сегментов предшествующих и последующих текстуальных и когнитивных репрезентаций. При этом не всегда есть необходимость задействовать дополнительные средства активации этих репрезентаций в памяти читателя.

Читатель, следовательно, призван приложить определенные когнитивные усилия с целью восстановления последовательности этих репрезентаций. Лежащая в основе этих усилий читательская интерпретация предполагает конструирование некоторой сущности на основе актуальной для постижения данного фрагмента

текста дискурсивной репрезентации с целью принять ее в качестве субъекта предикации, сильной позиции для введения новой информации. В частности, если при более детальной интерпретации между первым и вторым референтом не устанавливается рема-тематических отношений, то в данном случае имеет место дискурсивная дейктическая процедура, а не анафорическое соотношение указанных референтов. Ср. два примера:

(5) Также и отец потом будет исчезать в сумерках своей новой жизни, новой семьи, совсем без меня. *Наша непродолжительная встреча, осеннее свидание. Это почти все...* (Н. Кононов. Нежный театр);

(6) Мне кажется, что я нахожусь в таком же состоянии, как *мой молодой отец, собравшийся жениться на матери. Это* не принесло ему счастья... (Н. Кононов. Нежный театр).

В (5) референт *это* является обобщающей дискурсивной репрезентацией референта *наша непродолжительная встреча, осеннее свидание*, фактически дублируя его в смысловом отношении. Поэтому между данными отношениями устанавливаются рема-тематические отношения (второй компонент предстает темой первого). В (6) с целью установления референта *это* читатель призван извлечь следующую авторскую импликацию: если молодой отец в определенный период времени t^0 собирался жениться на матери персонажа-рассказчика, то в последующий период времени t^1 ($t^1 > t^0$) отец выполнил данное действие. В отличие от неявно / явно выраженных референтов в (5) и (6) имплицитный референт в данном случае не приобретает статуса потенциальной темы к моменту переработки первого высказывания. Подобным статусом обладает референт *отец*, известный из предшествующего хода монологического текста. Местоимение *это* сосредотачивает внимание читателя на референте, который он призван конструировать на основе авторской импликации, а также своих знаний языка и объективного мира. Подобным референтом предстает результат того состояния, который отмечает персонаж-рассказчик для своего отца в момент повествования. Другими словами, оба референта соотносятся как процесс и результат этого процесса. Между данными процессами обнаруживается временной разрыв. В данном случае мы имеем дело с дейксисом, а не анафорой.

Дейксис и анафора — это дискурсивно-референциальные процедуры, которые задействуются автором текста с целью совместного с читателем моделирования, модификации содержания ментальных моделей текста. Обе процедуры обеспечивают координацию внимания автора и читателя в процессе совместной коммуникации.

В действии дискурсивной анафоры Ф. Корниш выделяет три составных компонента:

- 1) антецедент, который непосредственно проектирует анафору;
- 2) мыслительный антецедент;
- 3) анафору [6. С. 79—85].

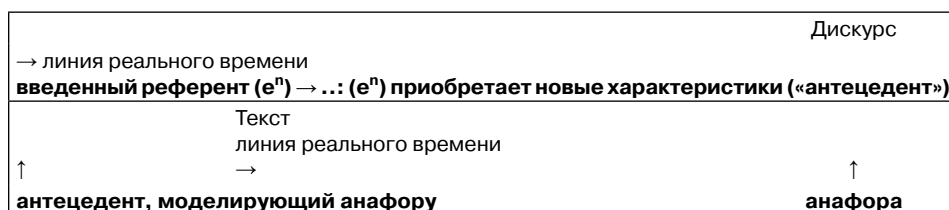
В более широком контексте Ф. Корниш представляет репрезентацию различий между антецедентом, который непосредственно проектирует анафору, и мысли-

тельным antecedентом с учетом различных доменов, в которых они функционируют, в виде следующей схемы [6. С. 89].

Антецедент, проектирующий анафору, является частью конструируемого автором текста и может инициировать референт, который ментально репрезентируется в рамках текста (схема 1). На этот факт в схеме указывает соответствующая стрелка, направленная к расположенной выше дискурсивной репрезентации. В результате дискурсивная репрезентация приобретает некоторые характеристики, предизируемые в последующем ходе текста. Анафора, актуализуемая в последующем тексте, дает читателю доступ к дискурсивной репрезентации, поскольку она «дублирует» референт в определенной точке текста.

Схема 1

Дискурс, текст и взаимоотношения между antecedентом, который проектирует анафору, референтом, мыслительным antecedентом и анафорой (Discourse, text and interrelations between antecedent projecting anaphora, referent, ideational antecedent and anaphora)

Антецедент, который непосредственно проектирует анафору, вносит определенный вклад в определение онтологической категории или типа анафорического референта. В целом, референт и его характеристика в художественном тексте предопределяются широким диапазоном факторов: тем, что будет содержаться в предикации референта до момента его вторичной актуализации, природой отношений когеренции при интеграции двух дискурсивных объектов, особым характером анафорической предикации.

Анализируемый тип antecedента не всегда получает эксплицитное выражение в тексте. Как отмечает Ф. Корниш, он может обнаруживаться на уровне восприятия текста или функционировать в качестве невербального сигнала [6. С. 93]. В частности, в примере (1) анализируемый antecedент проявляется как ситуативно обусловленный элемент, который «запускает» соответствующую дискурсивную репрезентацию в предикативном выражении *само пройдет*. В (2) в качестве такового выступают номинативы *князь, Ольга Павловна*.

Мыслительный antecedент как компонент действия дискурсивной анафоры представляет собой дискурсивную репрезентацию когнитивного характера, психологическую сущность, в рамках которой анафора реализует свою референтную функцию, выступает средством обозначения чего-либо. Согласно подобному определению, мыслительный antecedент является сегментом дискурса, а не текста и может быть конструирован через прямую интерпретацию контекста, фонд общих знаний автора и читателя. Ср.:

(7) Совершенно не важно, что вы никогда не прибегали к эпистолярному жанру, дабы общаться с кем-то через тысячи верст. *В этом деле начать никогда не поздно...* (Д. Липскеров. Пространство Готлиба).

В приведенном контексте мыслительный антецедент выражения *в этом деле* можно обозначить как «сочинение и отсылка писем адресату, который их с нетерпением ждет».

В дискурсивном плане мыслительный антецедент может манифестироваться десемантизированным анафорическим компонентом, что порождает контекстуальную размытость первого. Данный факт, возможно, предопределяется несущественностью мыслительного референта для адекватной интерпретации художественного повествования читателем. С другой стороны, размытость дискурсивной репрезентации мыслительного антецедента становится неявным средством характеристики персонажа-рассказчика, например:

(8) Она дала мне впервые почитать «Песнь о Нибелунгах». Там были телефоны жэка и рецепт, как солить сало... (Д. Бортников. Свинобург).

В данном случае анафорический компонент *там* не реализует пространственного значения, определяет мыслительный антецедент как «страницы книги», а возможно и «листки бумаги, вложенные между страницами книги». Читатель определяет данные интерпретативные варианты исходя из фонда своих знаний: в частности, в приведенном примере мыслительный антецедент не может быть описан как «составная часть сюжета книги». Другими словами, в монологическом тексте антецедент, который непосредственно проектирует анафору, способен порождать несколько дискурсивных репрезентаций мыслительных антецедентов.

Анафора — зависимый в референтном отношении индексальный языковой знак. В данном контексте употребления анафора сама по себе не «восстанавливает» дискурсивный референт, этому способствует анафорическая предикация в целом. Выявляются разнообразные типы анафоры — обладающие нулевой формой выражения, передаваемые местоимениями, принадлежащих к местоимениям различных разрядов, именами собственными, эллипсисом и т.д. [7]. Каждая из выделяемых разновидностей, проявляя чувствительность к дискурсивному контексту, обладает специфическими индексальными характеристиками, устанавливает различные виды анафорических структур.

В рамках монологического текста различные виды анафорических структур образуют тематические цепочки. Тематическая цепочка — это структурированная последовательность референций, развиваемых в рамках текста из одного и того же дискурсивного референта. В тексте обнаруживаются цепочки как макротематические, так и второстепенные, менее значимые, определяемые как микротематические [6. С. 105—108]. Макротематические цепочки получают развитие как в главных, так и во второстепенных дискурсивных сегментах. Микротематические цепочки проявляют тенденцию к обнаружению в периферийных дискурсивных сегментах текста. В целях иллюстрации данного положения проанализируем рассказ Людмилы Петрушевской «Через поля», который написан одним абзацем от первого лица [8. С. 227—229]. В тексте рассказа обнаруживается несколько тематических цепочек, главным образом представляющих собой последовательность анафорических (зависимых в референциальном отношении) языковых выражений, которые обозначают тот же самый референт. Этот референт, в свою очередь,

предстает субъектом нескольких предикаций в рамках определенного сегмента текста.

Анализируемый референт эксплицитно вводится в монологический текст, в частности, посредством автономных в референциальном отношении выражений, таких как имя собственное, личное местоимение. Эти выражения формируют ядро цепочки, анафорические же выражения, обозначающие их референт, рассматриваются как связующие средства. В основу нашего анализа положено определение тематической цепочки, предложенное С.К. Диком. Исследователь рассматривает эти цепочки как анафорические, признавая, что они формируются тремя функциональными в дискурсивном отношении компонентами:

1) ядром, которое вводит тематический референт в текст;

2) связующим компонентом, занимающим вторую позицию (имеющим место только в макротематических цепочках), функция которого заключается в том, чтобы вторично подтвердить актуализацию референта темы (т.е. он обладает исключительно ориентированной на адресата текста функцией);

3) компонент, который может обладать множественным заполнением, состоять из чисто анафорических обозначений тематического референта, функция которых заключается в том, чтобы поддержать повышенный фокус внимания адресата текста к этому референту. Благодаря данному компоненту выявляемый в сегменте текста референт получает статус темы дискурса [9. С. 218].

В анализируемом нами тексте выявляются следующие тематические цепочки:

— девушка-повествователь, которая по пути на «далекую дачу» — через поля — встречает Вовика;

— Вовик, сопровождающий девушку-повествователя через поля на «далекую дачу»;

— дорога через поле, по которой персонажи во время грозы добираются до «далекой дачи»;

— отношение женщин к проявлению естества;

— обитатели «далекой дачи», которые «разъединили» персонажей.

Указанные тематические цепочки формируются в тексте рассказа следующими последовательностями языковых выражений:

(9) Я... мы с ним... Ø... мы... мы... мы... я... я... мы... нас... моя... мое... мы... я... мы... Ø... я... я... мы... нам... от меня... я... мне... мы... мы... мне... мы... мой... наши... у меня... я... мне... меня... я... нас... меня... нас... в мою сторону... я... не мое... мое... я... меня... мне;

(10) мы с ним... мы... мы... мы... он... его... Вовика... мы... он... Вовик... мы... он... он... мы... нам... он... он... его... он... мы... мы... он... мы... его... наши... у него под носом... он... его... нас... его... нас... он... все это... им... они... его... Вовику... Вовиковой...;

(11) оно (голое поле)... на краю леса... молнии... поле... голое... Голая... голая... земля... ливень и молнии... на этом поле... в этом голом поле... дорога... ливень... под дожем по глине... дорогу... это... поле... молнии... по волам глинистой земли... молния... на этих земляных волах... четыре километра по глине... под дожем... эти четыре километра... по глинистому полю... под дождем...;

(12) в том же самом... не ходивших босыми... одна... ноги... другие... они-то...;

(13) они... невеста... Вовиковой невесте...

Представим данные тематические цепочки в схематическом виде, используя следующие сокращения (схема 2):

ТЦ — тематическая цепочка;

Р-А — для автономных выражений референциального характера;

Р-НА — для неавтономных выражений референциального характера;

Я — ядро тематической цепочки;

К2 — связующий компонент, занимающий вторую позицию;

К3 — третий компонент.

Схема 2

Репрезентация тематических цепочек в тексте рассказа Л. Петрушевой «Через поля»
(Representation of thematic chains in L. Petrushevskaya's story «Through the fields»)

ТЦ-1	Я: Р-А; К2: Р-А; К3: Ø; Р-НА; Р-НА; Р-НА; Р-НА; Р-НА; Р-НА; Р-НА; Р-НА; Р-НА; Р-НА; Р-НА; Р-НА; Р-НА; Ø; Р-НА.
ТЦ-2	Я: Р-А; К2: Р-А; К3: Р-НА; Р-НА.
ТЦ-3	Я: Р-А; К2: Р-А; К3: Р-НА; Р-НА.
ТЦ-4	Я: Р-А; К2: Р-А; К3: Р-НА; Р-НА; Р-НА; Р-НА; Р-НА.
ТЦ-5	Я: Р-А; К2: Р-А; К3: Р-НА.

Репрезентация, представленная на схеме 2, указывает на то, что референциально автономные выражения занимают в тематической цепочке центральную позицию (позиции Я и К2). Непосредственно анафорические выражения имеют место исключительно в связующей позиции К3. Доминирующую позицию в тексте рассказа занимают первая, вторая и третья тематические цепочки. При этом референтно автономные выражения не требуют от читателя необходимости обращаться к контексту в целях выявления содержащегося в них референта.

Референты, обнаруживаемые в четвертой и пятой тематических цепочках, по отношению к референтам первых трех цепочек занимают в тексте вспомогательную позицию. Текст рассказа посвящен взаимоотношениям девушки-рассказчицы и персонажа Вовика во время их дороги к «далекой даче», во время которой разразилась гроза. Размышления девушки-рассказчицы о проявлении естества и тот эпизод, когда персонажи достигли «далекой дачи», занимают периферийное положение в тексте рассказа.

Дискурсивная схема рассказа Л. Петрушевой «Через поля», представленная на схеме 3, подтверждает то, что первая, вторая и третья тематические цепочки реализуются в центральных дискурсивных сегментах рассказа (начальная и се-

рединная позиция в рамках абзаца), четвертая и пятая цепочки ограничены периферийным употреблением во вспомогательных сегментах (серединная и конечная). Об этом свидетельствует и длина тематических цепочек: цепочки 1, 2, 3 представлены большим количеством компонентов, чем цепочки 4 и 5.

В рамках дискурсивной схемы рассказа в целом рассмотрим взаимоотношения между языковыми выражениями, реализующими отдельную тематическую цепочку, и дискурсивной функцией сегмента текста, в котором данная цепочка реализуется. Схема 3 представляет схему текста анализируемого нами рассказа как продукта отдельно взятого дискурса. Для целей анализа мы разделили текст рассказа на шесть сегментов (поскольку рассказ написан одним абзацем).

Схема 3

Дискурсивная схема, манифестируемая текстом рассказа Л. Петрушевской «Через поля»
(Discursive scheme manifested by L. Petrushevskaya's story «Through the fields»)

- (1) Введение глобальной дискурсивной темы: совместная дорога девушки-рассказчицы и персонажа Вовика на «далекую дачу».
- (2) Описание дороги и череда событий, последующая (1).
- (3) Лирическое отступление, отражающее размышления девушки-рассказчика по поводу проявления естества.
- (4) Возвращение к теме сегмента (2).
- (5) Размышления девушки-рассказчицы по поводу совместной с Вовиком дороги, приводящие к философским выводам.
- (6) Заключение. Девушка-рассказчица и Вовик достигают дачи, их «пути» расходятся, что порождает философские размышления девушки-рассказчицы.

Структура первых трех тематических цепочек может быть представлена следующим образом. Заглавие рассказа априорно задает глобальную тему художественного повествования: знакомство двух персонажей и их путешествие «через поля» на «далекую дачу». В предваряющем рассказ сегменте эти два аспекта глобальной темы эксплицитно реализуются в сложном предложении. Выступая в функции вводного, данное предложение начинает обладать «тематическим» характером, информация, которую оно реализует, представляется читателю как абсолютно новая.

Сегмент (2) является развитием ситуации, о которой было сказано в сегменте (1), при этом информация уточняется: более детально представляется дорога, по которой следуют персонажи, сами персонажи получают динамические характеристики. Данный сегмент содержит последующую идентификацию глобальной темы, заявленной в сегменте (1). Однако он не может рассматриваться как катафора, при которой антецедент, проецирующий анафору, следует в катафорической позиции, таким образом наделяя референциальным автономным характером местоимения третьего лица, используемые в данном случае. В связи с этим не достигается референциальной зависимости между анафорой и антецедентом, проецирующим анафору.

Сегмент (3) содержит отступление от темы, которая была предварительно установлена. Однако референты, содержащиеся в нем, косвенно связаны с глобальной темой повествования, способствуют ее более глубокому представлению в тексте.

Сегменты (4), (5) продолжают темы текста, актуализованные в сегментах (1), (2) с превалированием анафорического местоимения *мы / нам*, которое объеди-

няет девушку-рассказчицы и персонажа Вовика. Персонажи «находят» общий язык, обнаруживают друг в друге родственные души. В данных сегментах «сходятся» две доминирующие темы текста: взаимоотношение персонажей и дорога, по которой они добираются до «далекой дачи», таким образом раскрывается глобальная тема текста.

В сегменте (б) анафорическое местоимение *мы / нас* снова «расщепляется» на *я* и *он*, что косвенно указывает на тот факт, что «пути» девушки-рассказчицы и персонажа Вовика расходятся, они начинают жить в непересекающихся мирах. Глобальная тема «рассыпается», уступая место двум независимым друг от друга микротемам.

Заключение

Актуализация различных типов тематических компонентов, исполняющих роль неавтономных анафорических выражений, определяется в монологическом тексте дискурсивной функцией сегмента дискурса, в котором они имеют место, а также своей позицией в рамках этого сегмента. Начальная позиция высказывания маркируется, как правило, личными местоимениями, именами собственными, поскольку анафорическое выражение в данной позиции служит средством поддержания фокуса читательского внимания, установленного в предшествующем ходе текста. Соприсутствие «конкурирующих» анафорических выражений (*мы / нам — я / он*) несет в тексте дополнительный смысл. Дискурсивные анафоры оказываются чувствительными к иерархической структуре монологического текста, контексту своего употребления. Другими словами, анафора проявляет свои прагматические характеристики в рамках текущего конструирования текста, а не в статических измерениях текста.

Актуализация авторского смысла как результат взаимодействия компонентов высказывания основывается на признании того, что смысл высказывания, будучи результатом линейной организации языковой системы, в иконическом отношении кодируется в акте предикации в отношении к предикату предложения, т.е. реме. Моделируя, какой компонент высказывания будет нести известную информацию, т.е. выполнять функцию темы данного повествования, автор определяет, в какой семантической перспективе необходимо рассматривать данное повествование.

Осуществляя выбор определенной точки отсчета (множественной / немножественной, маркированной / немаркированной, метафорической / неметафорической), автор намеренно избирает конкретные текстовые средства, поскольку они предполагают различный способ упаковки информации, а следовательно, и авторского смысла. Референциальная актуализация авторского смысла осуществляется на стыке взаимодействия референта высказывания с данным текстом как целостной категорией, интерактивная актуализация авторского смысла репрезентирует перспективы авторского дискурса относительно того, что предстает актуальным в данный момент повествования.

Читательская идентификация анафорических отношений, моделируемых тематическими компонентами высказываний, осуществляется в два этапа, связанных с анализом конкретных отношений когерентности: на этапе первоначаль-

ного восприятия текста и на этапе установления действительности предварительно спрогнозированных отношений когезии как элемента дискурсивного контекста. На начальной стадии интерпретации анафорических компонентов читатель выдвигает гипотезу относительно того, являются ли анафоры результатом выбора отношений когезии, что определяет референциальные характеристики анафорического компонента, задействованного для реализации данных отношений во втором высказывании. После того как данные отношения были установлены читателем как действенные, анафоры получают окончательную интерпретацию. Анафорические компоненты, выполняющие функцию темы высказывания, рассматриваются нами не как подобный продукт реализации данных отношений когезии между двумя высказываниями, а как строительный материал этих отношений в процессе материализации и интеграции их прагматического потенциала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Глаголев Н.В.* Вычленение семантических элементов коммуникативной стратегии в тексте // *Филологические науки*. 1985. № 2. С. 55–62.
- [2] *Долинин К.А.* ИмPLICITное содержание высказывания // *Вопросы языкознания*. 1983. № 6. С. 37–73.
- [3] *Cavins J.* *Text World Theory. An Introduction*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007. 193 p.
- [4] *Гончарова Е.А.* Антропоцентризм хронотопа как концептуальная основа художественного текста // *Категоризация мира: пространство и время: Материалы науч. конф. М.: Диалог — МГУ*, 1997. С. 40–43.
- [5] *Пушмина С.А.* Текстовое многомирие и вход в него через ворота дейксиса: дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2009.
- [6] *Cornish F.* *Anaphora, Discourse and Understanding. Evidence from English and French*. Oxford: Clarendon Press, 1999. 297 p.
- [7] *Фатеева Е.Д.* О некоторых проблемах изучения дискурсивной анафоры: в поисках новых подходов // *Язык и коммуникация: изучение и обучение*. Вып. 11. Орел: ОрГУ, 2003. С. 18–27.
- [8] *Петрушевская Л.С.* *Собрание сочинений в 5 т.* Харьков: Фолио; М.: ТК О АСТ, 1996. Т. 1. 256 с.
- [9] *Dik S.C.* *Anaphora // The Theory of Functional Grammar. Part 2: Complex and Derived Constructions*. Berlin, NY.: Mouton de Gruyter, 1997. P. 215–228.

© Скар Г.Д., Кудряшов И.А., 2017

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 23 октября 2016

Дата принятия к печати: 20 ноября 2016

Для цитирования:

Скар Г.Д., Кудряшов И.А. Прагматические модели дискурсивной анафоры в монологическом тексте // *Вестник Российского университета дружбы народов Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания*. 2017. Т. 15. № 1. С. 51–65.

Сведения об авторах:

Скар Галина Дмитриевна, доктор филологических наук, заведующая кафедрой русского языка и культуры русской речи Ростовского государственного медицинского университета. *Сфера научных интересов*: прагматические и когнитивные аспекты тематической связности монологического и диалогического текстов, кодирование информации и обе-

спечение обратной связи в диалогическом тексте, методика преподавания русского языка как иностранного. Автор более 50 научных публикаций. *Контактная информация:* e-mail: vitsknar@aanet.ru

Кудряшов Игорь Александрович, доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка и русского языка Южного федерального университета. *Сфера научных интересов:* когнитивный подход к исследованию неявного знания, теория речевых актов, когнитивная поэтика, категория эвиденциальности в диалогическом тексте, язык современных СМИ. Автор более 120 научных публикаций. *Контактная информация:* e-mail: igalk@mail.ru

DISCURSIVE ANAPHORA PRAGMATIC MODELS IN MONOLOGIC TEXT

G.D. Sknar

Rostov State Medical University
Nahichevansky Lane, 29, Rostov-on-Don, Russia, 344022

I.A. Kudryashov

Southern Federal University
Bolshaya Sadovaya str., 105/42, Rostov-on-Don, Russia, 344006

The aim of the article is to determine the pragmatic particularities of the monologist text thematic organization based on the discursive anaphora models. This aim predetermines the tasks connected with 1) outlining the conception of the theme as a textual segment manifesting sustained dependence on the fictional monologist text discursive scheme; 2) considering the fictional text monologist sphere based on the role the thematic components play in it; 3) revealing the referentially dependent anaphoric linguistic expression sequences which form the thematic components within the frameworks of the monologist text discursive scheme with regard to the communicative specifics of the text. The conclusions made in the article allow to get closer to a fuller understanding of how the cohesion relations and the anaphoric relations modeled by the thematic components facilitate the reader's task on integrating the utterance discursive characteristics into a more global interpretative structure. It is proved that both phenomena forming the symbiosis realize the function of sustaining the meaning continuity and the referential plane of the connected utterances in the monologist text. This statement outlines the scientific significance of the research conducted. The practical significance of the article is determined by the possibility of using its basic results for further development of the problem of the «informational packing» for the utterances belonging to the monologist conversational genres, for revealing the mechanisms of the fictional text organization as the whole. The theoretic deductions achieved in the article could be used in teaching the contemporary Russian language in higher educational establishments, stylistics of decoding, special courses in philological hermeneutics and the courses devoted to the discursive basics of the monologist text organization.

Key words: monologist text, discursive anaphora, cohesion relations, deixis, referent, mental antecedent, discursive scheme

REFERENCES

- [1] Glagolev N.V. Vychlenenie semanticheskikh jelementov kommunikativnoj strategii v tekste [Extracting semantic elements of the communicative strategy in the text]. *Filologicheskie nauki*. 1985. № 2. P. 55–62. (In Russ.)
- [2] Dolinin K.A. Implicitnoe sodержanie vyskazyvanija [The utterance implicit content]. *Voprosy jazykoznanija*. 1983. № 6. P. 37–43. (In Russ.)
- [3] Cavins J. *Text World Theory. An Introduction*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007. 193 p.
- [4] Goncharova E.A. Antropocentrizm hronotopa kak konceptual'naja osnova hudozhestvennogo teksta [Hronothrope anthropocentrism as the fiction text conceptual basis]. *Kategorizacija mira: prostranstvo i vremja: Materialy nauch. konf. M.: Dialog — MGU, 1997. P. 40–43. (In Russ.)*
- [5] Pushmina S.A. Tekstovoe mnogomirje i vhod v nego cherez vorota dejksisa [Textual multi-world and the entry in it through the deixis gate]: dis. ... kand. filol. nauk. Tjumen', 2009. (In Russ.)
- [6] Cornish F. *Anaphora, Discourse and Understanding. Evidence from English and French*. Oxford: Clarendon Press, 1999. 297 p.
- [7] Fateeva E.D. O nekotoryh problemah izuchenija diskursivnoj anafory: poiskah novyh podhodov [On some problems of discursive anaphora investigation: in the search of new approaches]. *Jazyk i kommunikacija: izuchenie i obuchenie. Vyp. 11. Orel: OrGU, 2003. P. 18–27. (In Russ.)*
- [8] Petrusheskaja L. S. *Sobranie sochinenij v 5 t. [Collective works in 5 vol.] Har'kov: Folio; M.: TKO AST, 1996. T. 1. 256 p. (In Russ.)*
- [9] Dik S.C. *Anaphora. The Theory of Functional Grammar. Part 2: Complex and Derived Constructions*. Berlin, NY.: Mouton de Gruyter, 1997. P. 215–228.

Article history:

Received: 23 October 2016

Accepted: 20 November 2016

For citation:

Sknar G.D., Kudryashov I.A. (2017) *Discursive Anaphora Pragmatic Models in Monologic Text. RUDN Journal of Russian and Foreign Languages of Research and Teachin, 15 (1), 51–65.*

Bio Note:

Sknar Galina Dmitrievna, doctor of philological science, head of the Russian language and Russian speech culture department, Rostov State medical University. *The sphere of scientific interests*: pragmatic and cognitive aspects of thematic cohesion in the monologist and dialogic texts, information coding and feedback providing in the dialogic text, methodology of teaching Russian as a foreign language. The author of more than 50 scientific publications. *Contact information*: e-mail: vitsknar@aaanet.ru

Kudryashov Igor Alexandrovich, doctor of philological science, professor of the language theory and the Russian language department, Southern Federal University. *The sphere of scientific interests*: cognitive approach to implicit knowledge, speech act theory, cognitive poetics, the category of evidentiality in the dialogic text, the language of contemporary Mass-Media. The author of more than 120 scientific publications. *Contact information*: e-mail: igalk@mail.ru